

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ**

Выпуск 2

ШКОЛА

Казань
2009

УДК 82.09: 82

ББК 83.3

С 38

Редакционная коллегия: профессор *О.О. Несмелова*, доцент *Л.Е. Бушканец*, доцент *М.А. Козырева*.

Рецензенты:

А.Ф. Галимуллина, канд. пед. наук, доцент каф. рус. и заруб. лит. ТГГПУ;

Р.Ф. Мухаметшина, докт. пед. наук, директор института педагогики и психологии ТГГПУ

С 38 **Синтез** документального и художественного в литературе и искусстве: сборник статей и материалов второй международной научной конференции (5-9 мая 2008 г.). – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – 460 с.

ISBN 5-88846-043-5

Сборник подготовлен по материалам второй международной научной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве», проведенной кафедрой зарубежной литературы в мае 2008 года.

Адресован в первую очередь филологам, а также преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

© Казанский государственный университет, 2009

© Филологический факультет, 2009

© Оформление РИЦ «Школа», 2009

ISBN 5-88846-043-5

ми, помогают глубже понять социальную психологию людей XIX века, проникнуть в мотивы их поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бальзак де О. Гобсек. Евгения Гранде. Отец Горио / О де Бальзак. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1981. – 496 с.
2. Стендаль Ф. Красное и черное. Новеллы / Ф.Стендаль. – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1977. – 589 с.
3. Гриб В. Избранные работы / В.Гриб. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. – С. 153–274.
4. Реизов В.Г. Французский роман XIX века / В.Г. Реизов. – М.: Высш. шк., 1977. – С. 9–32; 33–61; 73–109.
5. Борисов Ю.В. Талейран / Ю.В.Б. Борисов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 464 с.
6. Буржуазия и Великая французская революция / Э.Е.Гусейнов, Е.М. Кожокин, А.В.Ревякин, Д.М. Туган-Бурановский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 216с.
7. Тарле Е.В. Наполеон. Талейран / Е.В.Тарле. – М.: ЭКСМО, 2003. – 704.

Л.М. Гапека, А.В. Лашкевич (Ижевск)

ДОКУМЕНТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ШОКА НАЦИИ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США 1861 – 1865 ГОДОВ

В соответствии с базовыми установками современной феноменологии текста [10], каждая культурно-историческая эпоха представляет собой совокупность пересекающихся в «конфликте интерпретаций» дискурсивно-коммуникативных практик, конституирующих литературное сознание нации, а также задающих формы и способы деконструкции культурной традиции [13].

Личный и коллективный опыт тех, кто стал участником, свидетелем, наблюдателем и истолкователем действительно происходившего (*Acta realia* войны) закреплялся в коллективных и персональных вербальных речевых (устных и письменных) актах (*facta verbalia*), между которыми складывались различные виды и формы отношений. Разнородные дискурсивные практики эпохи могут быть объединены в общем концепте «*нарратива*» – повествовательного рода словесности, организующего жанры своих текстов по определенной пространственно-временной модели – «*рас-с-казанной со-бытийности*».

Особую роль в контексте Гражданской войны сыграли письменные/печатные тексты, обладающие прямой коллективной и личной адресацией, однозначной рецептивной интенцией и слабо выраженными нарративными признаками. Этот слой можно определить как *documentica* [8], т.е. порядок речевых коммуникативных актов, напрямую формирующих *фактический* компонент войны как исключительный, «из-ряда-вон-выходящий» момент *со-бытия*. Сюда относятся законодательные акты, указы и распоряжения, приказы по армии, планы военных кампаний, боевые расчеты и отчеты, тыловая документация, рапорты, донесения и др.

Именно в дискурсивных актах этого вида явным образом проявляется замеченный М. Хайдеггером феноменологический «зазор» между «делом» (*actus*) и «словом о нем» (*factum*). В них же выявляются оппозициональность и одновременно интерактивность актуального/фактуального, эвентуального/вербального, онтического/феноменального.

Тексты этого слоя в дальнейшем становятся основанием для пост-событийных дискурсов интерпретационно-оценочного и фактологического характера, которые можно определить уже как *argumentica* [11] – это историографии, научные исследования отдельных аспектов войны, ее причин, поводов и следствий, политико-идеологических трактаты, экономические и военные обзоры и др. В своем сочетании *documentica* и *argumentica* образуют основу для особого нарративного дискурса – *истории* (history), в рамки которого классическая парадигма вмещает весь комплекс бытийных явлений, в конечном итоге заменяя онтическое феноменальным и смешивая *знание* и *рассказ* о происшедшем с собственно *про-и-с-шествием* в его бытийной (онтической) самости и невоспроизводимости.

К жанровым формам документального дискурса может быть отнесены и тексты официозной прессы, функционировавшие как идеологическая пропаганда и агитация. В контексте эпохи эти дискурсивные практики осуществлялась через различные типы интеракций – от прямой конфронтации до взаимодополнения и функционального замещения друг друга. В военное время официозные тексты зачастую выступали в директивно-индикативной функции документальных актов.

К этому же разряду в качестве своего рода «квази-нарративов» примыкают литературная критика и журнальная публицистика, в свою очередь тесно коммуницирующие с религиозно-этическими, морально-философскими и политико-идеологическими дискурсами. Журналистика времен войны – это пограничный дискурс, в котором коллективное и

личное, публичное и персональное очень тесно спаяны. Авторы и акторы этих дискурсов реализуют личную свободу самовыражения как способ интеллектуального и эмоционального воздействия на Других, провоцируя индивидов на создание совместных эйдосов – образов, представлений, стереотипов, мнений и убеждений. В эпоху Гражданской войны в США именно дискурс журналистики сформировал если не само событие как целое, то, по крайней мере, условия для его реализации и очертил его рецептивный горизонт [4]. Не только причины и поводы, но и сам ход войны стал темой различных журналистских опусов – от простых сводок с театра военных действий, публикаций непроверенных списков павших и раненых, до идеологических провокаций и информационных диверсий [6].

Можно отметить, что традиционно конкурировавшие между собой официальный и официозный дискурсы как на Севере, так и на Юге, в условиях идеологического раскола нации, оказались в состоянии самого тесного взаимодействия, дополняя друг друга в деле формирования милитаристских тенденций общественного сознания.

Документально-дискурсивным сигналом к началу Гражданской войны можно считать «Обращение собрания граждан Штата Южная Каролина к жителям рабовладельческих Штатов Соединенных Штатов Америки (*Address of South Carolina to Slaveholding States,*)», датированное 25 декабря 1860 года.

Этот текст обладает всеми признаками *documentum publicum* – четкое обозначением адресата («К жителям рабовладельческих Штатов Соединенных Штатов Америки») и адресанта («Собрание граждан Штата Южная Каролина»), точной датировкой, явно обозначенной рецептивной интенцией, четко сформулированным идеологическим логосом и даже фигуративно-поэтическим лексисом: «<...> Последние тридцать пять лет внутри Конфедерации нарастало недовольство и возмущение. Штат Южная Каролина дважды созывал собрание своих граждан с целью осудить агрессию и неконституционные действия, совершаемые жителями Севера по отношению к жителям Юга. Жители Юга надеялись, что эти безобразия прекратятся. Но их надежды оказались тщетны. И вот, вместо того чтобы постоянно терпеть творимый произвол, граждане Южной Каролины вновь собрались и разорвали отношения с этими Штатами, выйдя из Соединенных Штатов ...

<...> Братская любовь Севера и Юга обернулась ненавистью, и мы, Южане, объединившись, должны принять суровую судьбу отдельного существования. Ваш горький опыт, вероломство и жадность ваших

Северных конфедератов были нужны, чтобы оценить важность тех принципов свободного Правительства, на которых покоятся свободы мира и приготовиться к великой миссии их защиты и восстановления.

<...>Раскол – не прихоть Юга. Время, прошедшее с момента создания Союза и ход жизни полностью изменили отношения между Южными и Северными Штатами. Исчезло единение чувств, интересов и институтов. Теперь они чётко разделены на сельскохозяйственные и торговые, рабовладельческие и нерабовладельческие Штаты. Их институты и промышленное развитие сделали из них абсолютно разные народы. Нет больше того Равенства в Правительстве между двумя частями Союза, которое когда-то существовало. Мы подражаем политике наших отцов и разрываем союз с нерабовладельческими конфедератами и ищем союз с рабовладельческими Штатами. Доказано, что рабовладельческий Штат не может чувствовать себя в безопасности, состоя в союзе с нерабовладельческими Штатами. Действительно, человек не может ожидать, что его права и привилегии будут соблюдаться, если он не способен защитить их самостоятельно. Грабёж и унижение стало естественным порядком вещей» [1].

В данном случае жанр официального коллективного дискурса – публичный документ – выступил как прямой призыв к началу насильственного разъединения Союза штатов. Он же стал провокативным лого-лексическим и риторико-поэтическим источником для других дискурсивных практик эпохи, прежде всего, для литературной журналистики, а через нее и через ее читательское восприятие – и для суб-литературных жанров (дневников, переписки, мемуаров, автобиографий).

По степени своего влияния американская периодическая печать того времени успешно конкурировала с прежде противостоявшими друг другу религиозно-нравственным проповедничеством, основанным на догматическом теоцентризме, и научно-популярной публицистикой, которая продолжала традиции Просвещения в деле распространения идей демократии, рационалистической философии и «позитивных», основанных на атеизме, знаний.

Журналистский дискурс на Юге еще до начала реальных боевых действий, через репликацию и ре-итерацию политического логоса сецессионистских документов, начал усиленно пропагандировать милитаристскую идеологию и провоцировать воинственные настроения среди белой читательской аудитории. Это особенно заметно в междискурсивной перекличке «Обращения собрания граждан Штата Южная Каролина ...» и редакционных статей 1861 – 1862 гг. самого влиятельного южного литературного журнала – «Southern Literary Messenger» [7].

Первый литературный отклик на «Обращение» был опубликован именно в «Southern Literary Messenger» [5]. Он был подписан, как и все последующие, именем *George William Bagby* [3], преисполнен гражданским пафосом, патриотической патетикой и военно-провокативной риторикой. Практически именно эти редакционные статьи задавали тематическую и риторическую модель жанрам других коллективных дискурсов эпохи – художественной литературе, религиозно-моральной проповеди, этико-моралистическим эссе. Кроме того, поскольку журнал распространялся среди образованных слоев южного культурного сообщества, то его лого-лексические характеристики реплицировались и во всех жанрах «дискурса персональности», например, в дневниках «южных леди» раннего периода войны [2].

Свою лепту в раскол нации внес и текст «Конституции Конфедеративных Штатов Америки» (1861 г.). В нем онтологический базис южной культуры – «южный миф» – обрел свою финальную, логико-риторическую форму, т.е. покинул сферу эмоционально-интуитивного коллективного сознания и стал уже не обрядово-ритуальной поведенческой практикой, а социально-политическим «фактом», идеологическим документом, феноменом политической деятельности, т.е. частью «реальной исторической действительности». В этом тексте один из основных архетипов «южного мифа» – расовая неполноценность черных жителей Юга – получил не только идеологическую, но и риторико-юридическую формулировку:

«(4). Не допускается принятие никаких законов о конфискации имущества, законов, имеющих обратную силу, а также законов, запрещающих или препятствующих осуществлению права собственности на рабов-негров ... (выделено нами – Л.Г. А.Л.)» [9].

После этого северянам, терпевшим поражения на полях сражений, понадобилось предпринять радикальные меры для того, чтобы нанести южанам максимальный идейный ущерб, который создал бы реальный перевес сил в пользу федерального правительства. Для этого нужно было подвернуть деконструкции онтологическое основание южной культуры – «южный миф», – который продолжал консолидировать южан с начала боевых действий в апреле 1861 г. Такая дискурсивная деконструкция началась 1 января 1863 г. – дня провозглашения Президентом Абрахамом Линкольном прокламации об освобождении рабов, «*Emancipation Proclamation (the Second Order)*» [12]. В тексте этого правительственного документа, в частности, говорилось: «<...> все лица, содержащиеся как рабы на территории любого штата или определенной части штата,

население которого находится в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, отныне и навечно объявляются свободными. Исполнительная власть Соединенных Штатов, включая ее военные и военно-морские органы, будет признавать и содействовать свободе этих лиц и не будет совершать никаких действий, направленных на подавление этих лиц или любого из них в случае совершения ими попытки обрести истинную свободу».

Этот указ не просто наносил удар по экономическим и социальным основам Юга. По сути дела, он буквально взрывал коммуникативную мифологическую систему южного сообщества, давая возможность черным рабам на законных основаниях покинуть своих белых хозяев на произвол судьбы. Более того, этим указом все рабовладельцы южных Штатов, вошедших в Конфедерацию, объявлялись вне закона, равно как и те, кто оказывал им материальную или иную поддержку. Начался раскол центрального ядра «южной семьи»: патриархальных отношений между «младшими» членами сообщества – черными рабами – и теми, кто о них «заботился» и отвечал перед законом – белыми плантаторами.

Более того, Указ об Эмансипации расколол Юг не только по расовому признаку. Часть черных, особенно домашние слуги и другие обитатели «большого дома» – плантации, не захотели покинуть своих «старших», не подчинились указу Линкольна и остались на местах, разделяя с хозяевами тяжкую долю «мятежников» (Rebellions) и «отступников» (Secessionists). Зато полевые рабы почти повсеместно бросили работу и отправились туда, где, по их мнению, их ждала свобода.

В условиях фронтовой чересполосицы, когда часть войск Конфедератов вторглась на территорию янки, а федеральные войска, наоборот, проникали вглубь «страны Дикси», «Прокламация об освобождении» встретила немало препятствий в ходе исполнения. Бросившие своих хозяев черные рабы устремлялись в места сосредоточения федеральных войск, причем, по причине своей топографической неграмотности, они зачастую попадали в тыл войск Конфедератов, где их ждал арест, либо в те местности «страны Дикси», где проходили нейтральные полосы и где их вообще никто не ждал и не мог дать даже элементарного крова и пристанища. В поисках пропитания эти добросовестные исполнители указа Президента вынуждены были воровать и грабить жителей тех мест, по которым пролегал их путь к свободе и закону.

Так официальный документ федерального правительства разрушил южное коммуникативное сообщество, разорвав вековую мифологическую связь «старших» (белых) и «младших» (черных) его членов. Текст

Указа Линкольна «травмировал» устоявшуюся традицию бытия и тем самым создал условия для формирования иных точек зрения и образов *со-бытийности* (логоса повествования), и генерировал новые формы диегетического лексиса, например, в жанре ежедневных записей, которые вели «южные леди».

Можно заключить, что во время Гражданской войны интеракция двух важнейших публичных дискурсов – официальной документалистики и журнальной периодики – в пределах общенациональной культурной коллизии разрешалась как идейно-пропагандистский «клинч» идеологических оппозиций. Это отбросило процесс национального культурного общения на уровень минимального межкультурного топоса – «Свой/Чужой», – что, по существу, прервало процесс формирования единой национальной американской культуры и «опустило» ее литературное развитие в область мифологем и архетипов, которые поддерживали, укрепляли и сохраняли бытийно-коммуникативный порядок на суб-культурном региональном поле общения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. {<http://america-xix.org.ru/library/south-carolina-address/1.html>}. Курсивом отмечены риторико-поэтические элементы наррации.
2. {<http://docsouth.unc.edu/imls/>}; {<http://docsouth.unc.edu/imls/clarke/menu.html>}.
3. {<http://www.famousamericans.net/georgewilliambagby/>}.
4. {<http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/>}
5. SLM, Vol. 32, Issue: 1, Jan. 1861. Editor's Table- p.p. 71-79.
6. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США // Новая и новейшая история. – М.: Наука. – 2005. – № 4. Электронный ресурс. Режим доступа: {http://ronl.ru/istoriya_usa/18567.htm}
7. В дальнейшем, для краткости – SML – Л.Г., А.Л.
8. Возможно, от лат. *docere* – править, управлять, вести + *mens* – сознание, дух, ум.
9. Конституция Конфедеративных Штатов Америки. СТАТЬЯ I. // {<http://countrystar.narod.ru/>}.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 10–11.
11. Михайлов А. В. Надо учиться обратному переводу // Михайлов А.В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 14–16.
12. От лат. *Argumentum* (др.греч. корень *ἀργής* – свет, просвещение) – объяснение.
13. Прокламация Освобождения. Заявление Президента Соединен-

ных Штатов Америки Авраама Линкольна // {<http://america-xix.org.ru/library/emancipation/>}.

14. Уффельман Д., Шрамм К. Панорама современного немецкого литературоведения. Предисловие составителей // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология / Ответ. ред. И.П. Смирнов, Д. Уффельман, К. Шрамм. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. – С. 5–40.

В.А.Сергеев (Казань)

ИСТОРИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ Р.М. РИЛЬКЕ («ПЕСНЬ О ЛЮБВИ И СМЕРТИ КОРНЕТА КРИСТОФА РИЛЬКЕ»)

Немецкие солдаты любили Рильке: во время обеих Мировых войн его «Корнет» являлся неотъемлемой частью почти каждой боевой выкладки – не только пользующаяся спросом, но и высоко ценимая героическая литература. Юношеское сочинение Рильке уловило дух времени и оказалось своеобразной плоскостью проекции тех идеологий – имперских, равно как и Веймарской Республики, – которые, в конечном счёте, привели к двум Мировым войнам.

«... “Корнет” явился неожиданным даром одной – единственной осенней ночи, он был написан на одном дыхании в колыхании двух свечей под вздохами ночного ветра; медленное течение облаков, скрывающих лик луны, стало тому причиной...» [1, С. 144]

Юношеское сочинение Райнера Марии Рильке «История любви и смерти корнета Кристофа Рильке» является на сегодняшний день почти что забытым произведением этого писателя, несмотря на то, что в период между 1912 и 1945 годами оно относилось к числу наиболее читаемых книг. Тем не менее этот текст интересен тем, что в истории восприятия юношеского произведения Рильке отражаются настроение и идеология бюргерской среды времён господства Империи, а потом и Веймарской Республики. В 1912 году «Корнет» появился как первый том издательства редкой библиотеки «Инзель». Тонкая книжица принесла славу как недавно основанной издательской серии, так и прежде неизвестному автору, и мгновенно стала одной из самых издаваемых большим тиражом книг вильгельминской Германии. С точки зрения нынешнего времени это кажется запоздалой остротой литературной и изда-